

Лимонова Мария Александровна

доктор исторических наук, доцент, профессор
кафедры теоретической и специальной социологии
Института социально-гуманитарного образования
Московского педагогического
государственного университета

Limonova Mariya Aleksandrovna

D.Phil. in History, Professor,
Theoretical and Special Sociology Department,
Institute of Social and Liberal Arts Education,
Moscow State University of Education

Синяев Максим Викторович

кандидат политических наук, доцент, доцент
кафедры теоретической и специальной социологии
Института социально-гуманитарного образования
Московского педагогического
государственного университета

Sinyaev Maksim Viktorovich

PhD in Political Science, Associate Professor,
Theoretical and Special Sociology Department,
Institute of Social and Liberal Arts Education,
Moscow State University of Education

РИСКИ ДИНАМИКИ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

RISKS OF THE WELFARE STATE DYNAMICS IN MODERN SOCIETY

Аннотация:

Статья посвящена проблемам эволюции института социального государства в современном мире. Рассматриваются причины возникновения социального государства, его историческая эволюция и национальные модели социального государства. Анализируются причины кризиса социального государства, связанные со становлением нового технологического уклада и, как следствие, с изменением характеристик социальной среды, в которой существует социальное государство. Утверждается, что суть кризиса социального государства в современном мире связана с усложнением общества, когда различные риски накладываются друг на друга, в одних случаях ослабляя, а в других, наоборот, усиливая друг друга. В этой ситуации не получается адекватно предсказывать риски и выработать стратегию контроля над ними. Избыточная сложность социальной системы ведет к тому, что в ней формируются зоны, не контролируемые властью, в которых идет активное формирование новых рисков. Одним из вариантов решения проблемы мог бы стать переход от иерархической модели социальной политики к сетевой стратегии, но это, в свою очередь, порождает новые малоисследованные риски и проблемы.

Ключевые слова:

социальное государство, социальные риски, постиндустриальный технологический уклад, социальные институты, современное общество, социальная среда, развитие, конфликтность.

Summary:

The study looks at the evolution problems of the institution of the welfare state in the modern world. The reasons for the emergence of a welfare state, its historical evolution and national models are examined. The paper analyzes the causes of the crisis of this institution associated with the establishment of a new technological paradigm and, as a consequence, the changing characteristics of the social environment where there is a welfare state. The authors argue that the crisis of the welfare state in the modern world is a result of an increasingly complex society: when different risks are combined, it leads to their mutual mitigation, on the one hand, and their mutual intensification, on the other. There is no opportunity to predict the risks and develop the control strategy in this context. The complication of the social system results in the creation of the new risk's zones that are free of government control. This problem can be solved by a shift from a hierarchical model of social policy to a network strategy; however, it can generate new unknown risks and problems.

Keywords:

welfare state, social risks, post-industrial technological paradigm, social institutions, modern society, social environment, development, conflict.

Институт социального государства возник в качестве ответа на кризисы, связанные со становлением индустриального общества. Если в рамках традиционного, аграрного общества основная масса населения была занята в сельском хозяйстве и больше зависела от природных факторов, чем от взаимодействия с другими людьми, то в случае индустриального общества ситуация кардинально менялась. Промышленные рабочие могли стать жертвой экономического кризиса или проигрыша их предприятием конкурентной борьбы, что превращало их в безработных и бросало на социальное дно. Так как эти события носили не естественно-природный, а социально-экономический характер, вполне очевидно, что это вело к росту конфликтности в обществе между различными социальными группами и слоями.

Другим важным фактором было то, что индустриальное общество базировалось на принципе ускоренного инновационного развития, что, в свою очередь, делало бесполезным ранее накопленный опыт, каждая социальная или экономическая проблема требовала решения здесь

и сейчас, опора на исторические прецеденты в большинстве случаев была невозможна. Но каждое новое решение несло в себе возможность как успеха, так и провала, кризиса или катастрофы. Естественно, эти решения также принимали люди, что, в свою очередь, увеличивало вероятность конфликтов, связанных с последствиями принятия этих решений.

Можно сказать, что ранее индустриальное общество было достаточно интегрированным и быстроразвивающимся, но расплатиться за это пришлось ростом конфликтогенности, рискогенности и нестабильности. Вполне очевидно, что, будучи иерархической структурой, это общество концентрировало все возможные плюсы, вытекающие из его устройства, на верхних этажах социальной иерархии, а кризисы и риски сбрасывало на нижние этажи. Подобная ситуация не могла продолжаться бесконечно, так как условия устойчивого развития требовали ликвидации или, по крайней мере, управления факторами, способствующими нестабильности общества. Представления о том, как лучше добиться подобного эффекта, достаточно сильно различались на различных исторических этапах в различных странах Западной Европы. В большинстве стран Западной Европы победило представление, что институтом, в наибольшей мере снимающим риски становления раннеиндустриального общества, является социальное государство.

Под социальным государством будем понимать особый социально-политический институт индустриального общества, призванный минимизировать негативные влияния индивидуальных и социальных рисков для основной массы населения, не прибегая при этом к отказу от повышенного социально-политического динамизма современного общества. Этот институт возник на рубеже XIX–XX вв. и прошел длительную эволюцию, определяемую в основном динамикой основных социально-политических конфликтов, технологических укладов и социальных рисков. Идея государства, стремящегося ко всеобщему благу и гармонии в отношениях между подданными, подданными и государством, ни в коей мере не является достижением XX в. Главная заслуга основателя теории социального государства Л. фон Штейна состоит в том, что именно он смог сформулировать принципиальное отличие социального государства от всех других форм и видов государства: социальное государство – это социально-политический институт, ответственный за уровень жизни своих граждан [1].

Социальное государство должно было обеспечить гражданам необходимый набор социально-экономических благ, гарантирующий их выживание в том случае, если свободная игра рыночных сил ставит индивида или социальную группу на грань физического выживания. Ориентируясь на человека и его интересы (не люди для государства, а государство для человека), социальное государство устанавливает стандарты социального обеспечения населения и создает систему, призванную реализовывать эти стандарты в жизнь. Принципиально важным здесь является один момент: социальное государство есть порождение индустриального общества, для которого характерны индивидуализм и высокая степень урбанизации, что кардинально отличает его от предшествующих аграрных и коллективистских обществ. Это, в свою очередь, вызывает ряд теоретико-методологических и практических проблем в ходе реализации следующего принципа существования социального государства – принципа равенства. За долгую историю социального государства были сформулированы следующие варианты решения этих проблем.

Во-первых, равенство трактуется как равенство возможностей, когда социальное государство обеспечивает индивидам равные стартовые возможности, а дальше в дело вступает свободная игра рыночных сил. Во-вторых, эгалитарная концепция, которая постулирует равный доступ к социальным благам. В-третьих, сформулированный еще Дж. Ролзом подход, состоящий в том, что умеренное экономическое неравенство способствует экономической динамике и, как следствие, росту качества жизни всего общества [2]. В-четвертых, идея И. Бентама о том, что распределение благ в обществе должно исходить не столько из принципа формального равенства, сколько из соответствия потребностей и возможностей той или иной социальной группы по достижению большего общественного блага. Каждая из этих точек зрения имеет свои плюсы и минусы, но на сегодняшний день большая часть исследователей и теоретиков склоняется к мысли, что социальное государство не просто осуществляет перераспределение ресурсов в обществе, а делает это таким образом, чтобы улучшить качество жизни всего общества.

В своем развитии социальное государство прошло ряд этапов, каждый из которых был своеобразным ответом на изменение внешних условий существования и попыткой по-новому урегулировать возникающие в обществе конфликты, воздействовать на структуру появляющихся перед обществом социальных рисков и по возможности парировать наиболее опасные из них.

Каждая из исторически сменившихся форм социального государства не только парировала определенные риски, но и сама же порождала новые. Традиционно под социальными рисками понимают ситуацию, когда человек оказывается в положении материальной необеспеченности, не может обеспечивать свое существование. Очевидно, эта ситуация может наступить в случае как индивидуальных причин (увечье), так и социальных факторов (экономический кризис или технологическая катастрофа). Однако это рассмотрение ситуации только с одной стороны, это те

риски, которые затрагивают индивидов и их общности, но возможно также рассматривать риски, захватывающие собой все общество, так называемые социетальные риски.

Единой типологии социальных государств не существует, различные авторы применяют те или иные критерии, благодаря которым выделяют модели социального государства и ранжируют реальные государства по степени наличия выделенного признака [3]. Известный российский исследователь проблем социального государства С.В. Калашников в качестве такого базового принципа типологии социальных государств выделяет социальные функции, которые они выполняют в обществе [4].

1. Самой первой формой социального государства является первичное социальное государство – эта форма отличается наличием определенной юридической базы, созданной для деятельности социального государства, доступностью социальной поддержки для всех членов общества, наличием базовой системы государственного социального страхования.

2. Вторая форма – государство социальных услуг. Эта форма складывается, когда происходит переход к активной социальной политике. Здесь государство не столько решает уже назревшие проблемы, сколько предупреждает их, действуя на опережение. Государство социальных услуг старается в той или иной мере взять под контроль вопросы занятости, создания безопасной жизненной среды.

3. Третьей формой социального государства выступает государство всеобщего благодеяния. Эта форма социального государства уже поднимается на новую ступень социального обеспечения: здесь государственные структуры и институты официально признают свою ответственность за уровень благосостояния граждан. Одним из следствий этого признания является то, что государство проводит политику пополнения страховых фондов из своего бюджета, обеспечивает помощь в разного рода нестраховых случаях, реализует комплекс мероприятий по активному перераспределению доходов (Швеция, Норвегия, ОАЭ, Кувейт). В современном мире большинство практически реализуемых моделей социального государства относятся именно к этому типу.

Серьезное влияние на современную теорию социального государства оказали работы Г. Эспинг-Андерсена, в частности анализ феномена декоммодификации, впервые изложенный им в 1990 г. в работе «Три мира капитализма благодеяния» [5]. Г. Эспинг-Андерсен сконцентрировал свое внимание на феномене декоммодификации и выстраивал свою типологию социального государства в зависимости от того, как этот феномен преломляется и влияет на социальные практики того или иного государства. Под декоммодификацией он понимал снижение зависимости работника от реальной стоимости рабочей силы. В реальности декоммодификация предполагает выведение работников из сферы свободной игры рыночных сил. Так, к примеру, ярким проявлением декоммодификации является бесплатная система здравоохранения, которая ныне распространяется на все население Скандинавских стран, вне зависимости от уровня их платежеспособности.

Еще одним важным фактором, учитываемым Г. Эспинг-Андерсеном в его типологии, является социальная солидарность. По его мнению, социальная солидарность может быть реализована на примере трех моделей:

- 1) ограниченная солидарность – пособия ограничены, и их получение сопровождается процедурой доказывания;
- 2) универсальная солидарность – пособия положены всем гражданам, не зависят от размера их доходов, их получение не сопровождается обязательными процедурами доказательств;
- 3) корпоративная солидарность – речь идет о защите определенных профессиональных групп через систему профсоюзов, ассоциаций и т. д.

Другим не менее важным фактором является уровень государственного вмешательства. Использование трех критериев – уровня декоммодификации, социальной солидарности и государственного вмешательства – приводит Г. Эспинг-Андерсена к выделению следующих моделей социального государства.

Первый, так называемый неолиберальный (англо-американский) тип, характеризуется низким уровнем декоммодификации, значительным уровнем социального расслоения, ограниченным государственным вмешательством, преимущественно в форме регулирования рынка. Социальная помощь имеет место, но предназначена в первую очередь для бедных и малообеспеченных членов общества и носит строго адресный характер. Благосостояние основной массы населения зависит от их рыночных достижений, и только те социальные группы, которые смогли доказать государству невозможность своего участия в рыночных отношениях, имеют право на социальное обеспечение по сравнительно невысоким стандартам. Эта модель широко распространена в англосаксонских странах: США, Канаде, Австралии.

Второй моделью является консервативно-корпоративистский тип социального государства, изначально сформировавшийся в Германии и Франции. Здесь наблюдаются высокий уровень декоммодификации, заметная социальная стратификация и частое прямое вмешательство

государства, которое может реализовываться в форме прямого предоставления финансового обеспечения для отдельных групп населения и регулирования рынка. В этой модели социального государства предполагается реализация различных социальных программ для различных профессиональных и статусных групп в зависимости от их трудового вклада. Эта модель утвердилась в тех странах Европы, где была сильная традиция корпоративизма и большое значение играл вопрос сохранения статусных различий (Франция, Германия, Италия, Австрия). Права в значительной мере были связаны с социальным статусом.

Третья модель социального государства – социально-демократическая – получила широкое распространение на Скандинавском полуострове и в силу этого иногда называется скандинавской моделью. Она характеризуется высоким уровнем декоммодификации, слабой социальной дифференциацией и широким государственным вмешательством. В большинстве случаев это вмешательство происходит в форме прямого предоставления финансового обеспечения. Изначально эта модель выросла из мощных общественных фондов профсоюзных организаций, но со временем была распространена на все население вне зависимости от уровня реального трудового вклада. Весьма любопытный оттенок этой солидаристской модели придает то, что реализуется она в странах Скандинавского полуострова, где изначально широкое распространение получили идеи социальной автономии, индивидуализма, прав и свобод личности. По сути тут можно говорить о соединении социалистических и либеральных тенденций.

В этой типологии мы можем говорить не о поступательном движении форм социального государства, как в предшествующей типологии, а о специфике его реализации в конкретно-исторических условиях, когда те или иные социокультурные черты общества накладывают свой отпечаток на формы социального государства.

Ныне имеет место ситуация кризиса социального государства, который имеет два аспекта. Первый аспект очевиден, он связан с интересами экономически господствующих классов, не желающих содержать избыточные, с их точки зрения, социальные программы; глобализацией, облегчающей процесс перемещения капиталов в страны с низкой стоимостью рабочей силы и минимальными социальными гарантиями. Это вполне ожидаемые феномены, если исходить из того, что сам концепт социального государства предполагал снижение недовольства масс высоким уровнем социальных рисков, зависимости от игры хаотичных рыночных сил в условиях, когда в основе экономики лежат все же рыночные принципы и институты. В этом случае социальное государство рассматривалось как своего рода компромисс между различными социальными группами, но компромисс, в основе которого лежит баланс сил: если один из социальных субъектов перестает оказывать давление, то второй автоматически пересматривает условия компромисса в свою пользу. Известны и меры противодействия этой дисфункции: чем больше смелеет в своей экономической рационализации один из субъектов, чем быстрее он подходит к некоей запретной черте, тем быстрее сталкивается с усиливающимся сопротивлением второго субъекта, что позволяет удержать ситуацию в состоянии некоего изменчивого, но все же равновесия. Однако, кроме первого, есть еще и второй аспект, и он связан с изменением самой социальной реальности, породившей в свое время такой институт, как социальное государство.

Традиционно существующие риски делили на типы (экономический, социальный, культурный), а потом ранжировали их по степени угрозы для общества или его подсистем. Но мы живем в обществе, которое ряд исследователей называют постиндустриальным, а другие – обществом постмодерна или даже обществом риска [6]. В этом обществе сложно выделить отдельный риск: они все существуют в условиях взаимосвязи и взаимозависимости. Это происходит вследствие избыточной сложности системы: в современной социальной системе всегда больше элементов, чем необходимо для ее существования здесь и сейчас. Отсюда возникают эффекты эмерджентности и синергии, когда различные риски накладываются друг на друга и усиливаются или ослабляют друг друга, в любом случае ведут себя нелинейно и малопредсказуемо, фактически постоянно перетекая друг в друга. Современное экспертное сообщество не может внятно предсказывать эти риски, выявлять их природу, предлагать методы управления ими, а это одна из базовых функций социального государства. Как и в случае с черными дырами, которых мы не видим и о существовании которых можем судить только по косвенным признакам, мы не видим социальных рисков напрямую, судим о них по тому, что говорят различные социальные группы. Это далеко не идеальный метод, так как эти группы всегда субъективны, а чиновники склонны прислушиваться в первую очередь к наиболее активным группам, что в очередной раз искажает реальную картину.

Следует ли из этого, что традиционные социальные институты, то же социальное государство, не адекватны условиям существования современного социума? Нет, так как общество содержит в себе социальные процессы и отношения, связанные с разными временными эпохами, общество неоднородно, и различные социальные группы живут в разном социальном времени. Традиционная система управления и экспертизы неплохо справляется с традиционными проблемами. Но в современном обществе возникают новые проблемы, конфликты, риски, связанные уже с со-

циальными отношениями, характерными для постиндустриального технологического уклада. Постиндустриальный технологический уклад предполагает дальнейшее усложнение общества. Если раньше система собственности и государственного контроля над дефицитными ресурсами позволяла ограничивать, редуцировать избыточную сложность общества (налоги, пособия, собственность), то теперь эти факторы начинают утрачивать свое значение, потому что знание в современном обществе значит не меньше, чем владение какими-либо материальными ресурсами. А как можно установить налог на знание или контролировать условия его использования? Что предполагает выделение новой иерархии неравенства и новую сеть конфликтов в обществе?

Традиционная модель социального государства построена на принципе иерархии и ранжирования. Система государственной власти контролирует не все связи и отношения общества, а только те, что могут привести к ослаблению государственной власти. Но избыточная сложность системы ведет к тому, что в ней появляются зоны, в которых рождаются новые риски и угрозы, которые не контролируются системой. Система слишком инертна, она неспособна проникать во все поры общества и слишком долго принимает решения. Следовательно, требуются отказ от иерархической модели и переход к сетевой, что связано с возникновением ряда проблем.

– Первая связана с характеристиками элементов – все ли социальные общности и всегда ли смогут управлять собой; как эти структуры будут взаимодействовать с более архаичными структурами предшествующих технологических укладов?

– Вторая обусловлена ограниченностью ресурсов – перестройка структуры системы требует ресурсов.

Другая сторона вопроса – проблема больших социальных групп. Традиционное социальное государство выстраивалось на принципах большинства, но в условиях роста разделения общественного труда большие социальные группы дробятся на страты, большинство начинает образовываться из соединения групп и носит временный, неустойчивый характер.

Подобное положение дел предполагает трансформацию самой модели властных взаимодействий и, как следствие, изменение системы социальных институтов, в том числе института социального государства. Если традиционные модели социального государства основывались на понимании власти как подчинении какой-либо руководящей инстанции, которая, в свою очередь, должна была минимизировать конфликты в обществе и обеспечивать социальные нужды граждан, то власть в случае постиндустриального общества предполагает добровольное объединение людей, когда они сами накладывают на себя ограничения для коллективного решения какой-либо проблемы. Однако в этом случае мы вынуждены констатировать необходимость принципиально новых политических и социальных институтов, созданных на основе сетевых коммуникаций и сетевых взаимодействий.

Таким образом, по нашему мнению, адекватным ответом на кризис социального государства, связанный с формированием нового технологического уклада, будет формирование будущего социального государства на основе сетевых форм и методов. Но это долгий и мало исследованный в современном социогуманитарном знании процесс, что пока не позволяет нам указать основные этапы этой трансформации и связанные с ними проблемы.

Ссылки:

1. Цит. по: Евстратов А.Э. Генезис идеи социального государства: историко-теоретические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. 234 с.
2. Ролз Дж. Теория справедливости / под ред. В.В. Целищева. Новосибирск, 1995. 532 с.
3. Хома Н.М. Модели социального государства: новые подходы к типологизации // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. 2013. Т. 25, № 1 (144). С. 137–143.
4. Калашников С.В. Очерк теории социального государства. М., 2006. 362 с.
5. Esping-Andersen G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton, NJ, 1990. 260 p.
6. Зубков В.И. Социологическая теория риска. М., 2009. 380 с. ; Кравченко С.А., Красиков С.А. Социология риска: полипарадигмальный подход : учеб. пособие для вузов. М., 2004. 385 с. ; Мозговая А.В. Измерение риска в социологии: методология, методы, результаты // Риск: исследования и социальная практика / отв. ред. А.В. Мозговая. М., 2011. С. 40–58.

References:

- Esping-Andersen, G 1990, *The Three Worlds of Welfare Capitalism*, Princeton, NJ, 260 p.
- Evstratov, AE 2005, *Genesis of the idea of a welfare state: historical and theoretical issues*, PhD thesis, Omsk, 234 p., (in Russian).
- Kalashnikov, SV 2006, *Essay on the theory of a welfare state*, Moscow, 362 p., (in Russian).
- Khoma, NM 2013, 'Approach to the typology model of a welfare state', *Nauchnyye vedomosti BelGU. Seriya: Istoriya. Politologiya*, vol. 25, no. 1 (144), pp. 137-143, (in Russian).
- Kravchenko, SA & Krasikov, SA 2004, *Sociology of risk: a polyparadigmatic approach*, manual, Moscow, 385 p., (in Russian).
- Mozgovaya, AV (ed.) 2011, 'Risk assessment in sociology: methods, techniques, results', *Risk: issledovaniya i sotsial'naya praktika*, Moscow, pp. 40-58, (in Russian).
- Rawls, J & Tselischev, VV (ed.) 1995, *A theory of justice*, Novosibirsk, 532 p., (in Russian).
- Zubkov, VI 2009, *Sociological theory of risk*, Moscow, 380 p., (in Russian).